

Анна Атталь-Бушueva

*Добыввая
у общества
границы — не падай*

18+

Анна Агталь-Бушуева Добывая у общества границы – не падай

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71205424
SelfPub; 2026*

Аннотация

Когда ты сам не ищешь вину для себя – ты ведёшь свой сюжет между линий из жизни. Тогда на публицистической поэзии ты задаёшься вопросом о лучшем для себя, рассматривая новые границы ужаса этого быстродвижущегося общества. Этот сборник поэзии ведёт прямо к началу рассуждения о том, какая грань будущего – твоя лично.

Содержание

Пролог:	6
Чёрный цветок идиллической прозы	11
Ты видишь за собой	14
Отучи меня думать	16
Не обижайся от покоя	19
Нашумевший рассвет	21
Психологическая тень	23
Корсет на мухе	25
Записка для примет	27
Подлинно немые	29
Литератор из души	31
Ограждение достоинства ума	33
Раскопки будущего бытия	35
Ночная антитеза для луны	37
Не создан для двоих	40
Если не ждать осуждения	42
Главная цель на сегодня	44
Серебряные волки	46
Когда забьют воспоминания	48
Не возведя исторический миг	51
Неизменность на лице	53
Есть ли выстрел?	55
Образованный рядом	57

Мозг в заморозке	59
Осоловев от безысходности иметь	61
Синкретизм из-за угла	63
Новая шизофрения	64
Предохраняя вечность	66
Учтивость для двоих	68
Особый минерал души	70
Пустая трата времени	72
Отважился для слов	74
Одним я не могу..	76
Бронзовые шаги	78
Не наследуя похороны	80
За что умирает раджа?	82
Последнее мнение	85
Умея умирать назло	86
Не брошенный в дождь..	89
Родословная на мне	91
Нет смерти во вне	93
Приневский ветер	95
Потупив от восторга	97
Экзальтация поколения	99
Когда некого лечить	101
Соавтор на духовном счёте	104
Доказываешь маленькие тени	107
Бренность вдохновения	109
Поговори со мною между прошлым..	112

Почерк, без которого не	114
Диета для философа	115
Зачеркнув мыслью	118
Манящий вдаль	120
Разбивая сон ужа	122
Собранные звёзды в голове	124
Денежные дожди	126
Не различая в нас судьбу	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Добывая у общества границы – не падай

Пролог:

Посмотри на трамвай и неспешно в аду – посмотри на зелёные
кущи под особенной важностью лет. Вон Таврический сад
и
иллюзия скорбной души завывает по Питеру, словно бы
сам ты не
рад ей. Составляешь претензии сколько учёл этих лет на
роду и уже
непонятно, что думать об обществе нынче. Ты листаешь
газетный
осколок между осенью сложных звёзд и не дышишь, когда
уже
подкралась поздняя смелость. Мимо тучи влекут тебя
вдаль на
сереющем склоне уходящего вида напротив, а твоя идиллической
глади плохая примета, что конфета на блюде ума. Ты считаешь

особенный утра отпечаток на высохшем после дождя отсыревшем
асфальте. И стоишь, понимая, что двигаться некуда, нет и короткой
строки, чтобы думать о Питере новую весть в высоте этой бурой,
проношенной жизни. Но стоять тебе также нелегко и высокие башни
не отворачивают вида головы, чтобы удивлять тебя в будущем своей
красотой. Может лично готической или сатирической, как это
слаженное утро в городском романсе не увядающих звёзд. Всё
движется и стонет под переливами незабываемых трамваев, а потом
в центре нисходит по звуку корабельного шума морской тоски.

Ты не сводишь сегодня глаза и мгновением выше – ты оказался
между двух осмысленных перипетий: идти вперёд или согнуться в
непотребстве этой ужасающей реальности. Но и она не отвечает
ухмылкой внутри, а только читает вместе с тобой живо-

трепещущий

хоррор о состоянии нового пророчества в мире. Будто бы слились

звёзды воедино и смотрят, как ты повелеваешь этим безоблачным

небом и всё хорошеешь внутри. А твои социальные связи убеждают

ещё сильнее о том, чего никогда не было и не будет. Может эта

маска так спокойно легла на твои плечи и будоражит за отношением,

как бы притворяясь зеркалом в мнимом зазеркалье? Но и её ты не

видишь, так как стал искать грани маразма за этой странной в

отношении реальности – судьбой. Её нет, но около тебя всё время

появляются странные люди, в которых ты ищешь продолжение

своей свободы внутри. В ней так тягостно и неловко ты ощущаешь

сегодня невозвратный праздник и что-то сюрреалистическое, что

ещё могло бы стать твоей надеждой.

Под кожей бегут удивительные тени, как неловкие парал-

лели

трамвайной глади неба и сливаются вместе с Питером, пока ты

останавливаешь этот холод внутри. Так и в этом сборнике поэзии

мысли сами останавливают холодное движение городского романа,

внушая ему стихию модной культуры жить в любви. Ещё немного и

ты уже не видишь трамваев, а сожженный углом зрения периметр не

отражает реальности и граней этого маразма. За ним ты хочешь

бежать вперёд, как бы прикрываясь ещё тонкой паутиной человеческого страха бесконечного молчания. И вся эта аллегория

строптивного ума паучей вольности не сходит с улыбки и тает внутри

непреходящего жаргона в голову. Ты поднимаешься по ступеням

Исаакиевского собора и самый штиль внутри состояния — стал ещё

глубже и занёс слово в мир. Оно тебя не сломало, не вынесло

многогранники за углом зрения на износ, а только в этой реальности

смотрит внутрь тебя. Так близко, что остановка солнечно-
го кванта

мира становится ещё ближе к действительной ясности
жить внутри

психоделического счёта переменных лет. Но они ещё не
наступили, а

только покоятся в усыпальнице строгой, готической фор-
мы

главенства догадки над дедуктивным оком реальности.
Над тем, что

ещё могло бы произойти в Питере, но не случилось и рас-
таяло в
любви.

Чёрный цветок идиллической прозы

Если не меркнут от счастья – приметы,
Выжив – для томного чувства, страдая,
Если внутри ты – не видел ответы
В мире, в котором летает – та стая
Времени – в пользе обычной причины,
После культуры, оставшейся – маске,
Ты – лишь один на сомнении длинном
Тянешь цветок – идиллической сказки.
Проза в заглавной строке – почему – то
Слышит твой мир, от которого – завтра
Был ты уму – неприглядно обутым,
Видел ускоренный свет – нигилизма.
Чёрный цветок за собой – ты упрочил
Чёрному образу мысли – покоя,
Чтобы отдать эту вечную – муку
В счастье тоски, что бывает – такое.
Если не меркнут от счастья – те краски,
Высмотрев мир – по обратному слову,
Прозой ведёшь – это общество страха,
Чтобы осмыслить причину – покоя.

В чёрный цветок завернув – преисподнее,
Миром пропитанной воли – избытка,
В чёрную явь, от которой – так зыбко
В теле блюсти – осмысление злое.
По идиллической позе, что слышит
Водит цветок – всю сомнения форму,
Знает он так же, что слово – не помнит
Прозу, считая её – неприглядной.
Центром души – по обратной дороге
Слышит цветок умиление – силы,
В чёрные грозы – сорвав преисподнее
Волю уводит он – в прошлое томно.
Знак от идиллии – страхом не мучает,
Лишь на цветке ты – уловишь мгновение,
Только по образам мысли, как гении
Снова возводят – свой век преисподний.
В чёрном тумане, подкравшись затмением,
В лишней тоске – от иллюзии мнимой
Ты – тот цветок образуешь сомнением,
Только внутри – на него ты задышишь.
Чёрному полю – под властью причины,
Звёздной обильности мысли – утратит
Возраста числа – над смыслом плохого,
Точно цветок в бытие – не заплачет.
Только вздохнув – на него ты посмотришь,
Лишней частицей – от сложного горя,

В чёрные образы – слово уводишь,
Став идиллической позой – раздолья.

Ты видишь за собой

В глазу толпы, касаясь тени встречной
Летят внутри, как ласточки – шагами
Твои фигуры мнения – под млечной,
Обыденной проталиной – за нами.
Глаза из зала – подпирают точный,
Фактурный склеп – на уровне надежды,
А ты внутри ворочаешь – заочный
Манер искать им душу, чтобы двое
Страдали, как следы и им – твоя
Манера думать – поднимала чашу
За следом, от которого – нельзя
Внутри тебе – ни разобрать ни слушать
Критичное в привычках – притязаний,
Одной манерой внутренне – воочию
Быть телом смерти, а потом – созданием
Культуры мира, что вполне мы – прочим.
Из зала показалось – ожидание
И след простыл, а ты стоишь им – ночью
Такой же долгий, что одним – не прочит
Идти вослед искусствам – по душе.
Но сам ты ждёшь свой встречный – расстояния,
Свой мир приметы уровня – побольше,

Но видишь им культуру ты – сознания,
Что больше света на глазах и – прочит
Сегодня прочитав внутри – идеям
Любовь сквозь пышный уровень – надежды,
Им следом ты стоишь и вертишь – пламя,
Что холодом обдаст, касаясь тени
Фигуру мира, и словно бы – презрения,
Обиды, жлобства, мании и – толка,
Но быть таким теперь, однако – долго
Тебе так трудно – в зале из людей.
Не жить, чтоб за тобой искрило – время,
Не спать, а думать только о – прозрении,
Где сам ты носишь – восковое чувство
За телом слов, но душу – в обозрении.

Отучи меня думать

Отучи меня в форме – держать
День – за прошлым твоим одеялом,
Отучи – в мимолётный рассвет
По-египетски в счастье – смотреть.
Если вышли Богами – назло,
То какие от совести – встречи
Могут тайные формы – отдать
Между новой причиной – уму?
Этот круг – по кармической рамке
Словно полный от уровня – лет
Пробежит, чтобы знать – для тебя,
Как учиться – под новый рассвет
В этом возрасте жить – по тому
Искушению сердца – вдвойне,
Что уклончиво в прошлом – вело
Одичание – нам в глубине.
Отучи в этом странном – ходу
Думать пошлой культурой – ума,
Отучи и меня – потому
Ждать иллюзии совести – зла
В этом новом кармическом – сне,
В стройном образе мысли – поднять

Идеальные поводы – мне
Для того лишь, чтоб счастье обнять.
Отучи свой преемственный – взгляд
Между старой картиной – в уме,
Этим образом – думать по мне,
Как источник – в слезливой причине,
Что на днях – в иллюзорные сны
Опустила – свой пламенный свет
И зарделась, как алый рассвет
Между пошлостью – в медленной льдине.
Отучи этой формой – страдать,
Что напишут по нам – Фараоны,
Что не смогут от счастья – задать
Исключительный возраст – в глазах,
Только прошлому ты – не ведёшь
Утончённые возрасту – льдины,
Им ты стал – обаятельным сам,
Что кармический воздух – в вине.
Лишней прозой – она в глубине
Призывает внутри – Фараонов,
Но не смертью приходят – они,
Только выучив малое – слов
Нам прилежностью верят, что стали
Мы друг друга – в причине учить,
Как забытое общество – стаи
Перед новой критичностью – жить.

Не обижайся от покоя

Не занимай плотины – море,
Что воеет около – тебя,
Где ты на страх – ложился в горе
Под сомневающийся – знак.
Не говори, что будешь – помнить
Судьбу искусства – до конца,
Когда внутри – своих изгоев
Ты – вечный первенец с лица.
Не обижайся на простое,
За злом увенчанное – в нас,
Не говори, что был ты – вскоре
Тем ветром мира, что погас.
Он так же слышал – эту силу,
Он шёл под верной – остановкой,
Но был отвинчен, как не первый
Сигнал внутри – плотины нерва.
Им ты страдал, что нету – счастья,
Что нет покоя – в час прощаться,
Но кто не первый – в том минута,
Тот ждёт искусство – в каждом звуке.
Не обижайся – в том покое,
Что сам ты страхом – жил на боли,

Что почерк смерти – был отважен,
Ведь он не смертен, просто важен
Для слов пустых, для этих граней,
Где по плотине – ходит ранний
Источник чувства – для забытых,
Искомых мужеству – разбитых
Проблем старения, что ближе
Внутри покоя к нам ли – выше,
Чем этот час – внутри изгоев,
Им так же красен – в этом горе?
Не обижайся – внутри услышав,
Что этот путь – в покое дышит,
Он только чувство, внутри играя
Собрал для утра – на этом рае,
Он здесь бы жил, искал – на страхе
Плотины море – от счастья в прахе.
Но вышел мудро – внутри причины
Твой ветхий утру – остаток мира,
Что жил он верной, одной – главою,
И той, что смерти, увы, – не скрою.

Нашумевший рассвет

Из облака ты выплыл, как всегда,
Из глаза посторонней – тишины,
И что – то там сказал, увы, едва,
Как наглый в безысходности – актёр.
Что спали мы, что ум касался – гор
Над небом необъятной – тишины,
Но следом видит – только идиот,
Что мы всегда в уме считать – вольны
Свою любовь, как счастья в том – звезду,
Свои года – в отжившем веке права.
Чтоб думать о пригодном – иногда,
И только так ему – на острое смотреть,
Где ты шумел, как видимый – восход,
Где солнце обеляло своды – мира,
Нам только притворяясь, что вот – вот
На утро станет – новый идиот:
Твоей мечтой, твоей любовью – милой,
И в том предчувствуя – займёт себе перо
В том месте нашумевшего – восторга,
Где мы летим – по новой высоте.
Где облака, как чувство – покоряют,
А страхи в высоту – заносят дым,

В нём я и ты, как бабочки летаем,
И ищем нужный воздух – вслед за ним.
На облаках, взлетая мимолётно
Ты вдруг узнал, что в малое клеймо
Ты сам попал, но было бы приятно
Иметь сегодня слову – свой костёр.
Им думать, привирая к счастью – смело,
Где нашумели дивные – века
И новость, как строка – белеет смело
Под сложный реверанс – едва – едва.

Психологическая тень

Преследуешь меня – наедине,
Как только что – не выеденный день,
В последнем дне – не выходя на свет,
В котором праву лучшего – смотреть
Тебе сегодня больно и – смешно,
Но кто сказал, что юмору – не стать
Твоей примерной тенью – для ума,
Твоим пером – под чувственностью зла?
Психологическая воля – не ведёт
Куда её относит день – в глазах,
Психологическому возрасту – под нас,
Что также обещает видеть – вальс.
Он вылеплен – для счастья и обид,
Он только видит тень – и сохранит
Твои глаза – от роскоши гнедой,
Когда ты держишь волю – за собой.
В тебе ли тень старается, манит,
О том чутье – по миру говорить,
Но держит склад уверенно – немой
Сегодня душу – в качестве примет.
Ты замечаешь тень, что отошла
К сердцам культуры – после бытия,

Ты обещаешь – думать ей, что я
Такая же потеря – от любви.
Но день – в психологической тени
Не смотрит на тебя – один в уме,
Он просто вожделеет – сон во сне
И этим открывает – сердцу рай.
Психологическим терзанием – подать
Любви – одну отдушину, что время,
В последнем слое так же – рассказать,
Что будешь ты идти – опять другим,
Но тонко свет держать – себе внутри,
Как искоса стремительное – время,
Что тянет тенью – в ровное кольцо
Одну судьбу – понять свою любовь.

Корсет на мухе

Не словом ты жалеешь – одного,
Прикрытого ладонью – для любви,
Не мучаешь – от муки и покоя
Свободу смелой позы – впереди.
Ведь вышли спать – одни и надоело
Украдкой – подбирать себе весло,
Чтоб мухами идти на дно – так смело,
Так вычурно и воле – всё равно.
Корсет надену, чтобы повезло
Для страшной позы – вовремя страдать,
Ему замену – ты не смог бы взять,
Как мухе слой критичности – в лицо.
Летают же такие – формы мира,
Как отголосок права – на виду,
Что мухи для корсета – потому,
Как выеденных слов – пороки милые.
Как капли – из приподнятых имён,
Что воду для порядка – преподносят,
И этим, вжившись в муху – отдадут
Свою свободу – словно бы пари,
Как делаешь ты утром – до зари,
На дно нам поставляя – серый ад.

Чтоб думать можно было – по тебе,
Что муху на корсете – приобнять,
И точно форму радости – внутри
Ей сто вещей для жизни – передать.
Как может скука вылечить – клеймо,
В котором спит она, вращаясь в середине,
За только что – не пойманым окном,
Когда ты выгибаешь – небом путь?
Тот ад – твоя притворная печаль,
Твой звон велеречивой – пустоты,
Когда ты отпускаешь нам – молчать
Ту муху, от которой стонешь – ты.
Ей больно видом по уму – кричать,
Но только на корсете – все больней
Иметь свою свободу, чтобы жить,
И ощущая смелость – отпускать ей.

Записка для примет

Не очень странный в мире – силуэт
Торгует роскошью – в подобии любви,
Искусственно ли грезит – по тебе
Его простая вольностью – затея?
Где шаг к душе – ты одолжил ему
И тянешь – по записанному сну
Примету в идеалах – для судьбы,
Пока ещё одной и в том – последней.
Записка из нечаянного – сердца,
Как лист – под странной каплей бытия,
Сегодня радует о душах – не тебя,
Но смысл судьбы, наверно понимает.
Ты ей оставил чуткий – разговор,
Чтоб думать обывательской – душой,
И что – то ей нести – от посторонних
Искусств – внутри потерянного я.
Но этой формы преданности – нет
Внутри записки – к истине последней,
Ей так же нелегко – упасть на дно,
Чтоб завтра в чувствах ложного – пройти.
Туда ты сам ведёшь – прямую грань
И пишешь для того свою – судьбу,

Чтоб знак зачитил – пропавшее от слова
В твоей примете – вовремя пропасть.
Туда, где нет ни сердца – одного,
Где совесть спрятала прямое слово – рока,
Но только нам гнетёт свою – печаль,
Как вымысел – в пропавших сердцу днях.

Подлинно немые

На оборотной стороне – ты шёл,
Всё спотыкаясь и предвидя – диалог
Для тысячей оставленных – обид,
Для тучи, под которой – не горит
Твой ясный день и думает – на время.
Он – подлинно немой и этим – ты один,
Стоять не можешь в истине – сегодня,
Что совесть – над прямой тоской к себе
Обрадуется – в числах ценных лет.
Ты был живой и томно – сам носил
Свой бирюзовый ад – пути ему назад,
Под ролью сердца, под другой мечтой,
Но что – то говорил теперь – с судьбой.
Что вечностью она – не оправдала
Твой юный день души и – мёртвым стал
Ей в каждом сердце – находить глаза,
От формы по блужданию – для сна.
Для долгой боли – неживой надежды,
Что снова – по немой тропе пройдёт
Твой солнечный восход и – этим он
Сегодня душит моду – за покоем.
В покое стала мыслью – на сердцах

И эта степень формы – над природой,
Но гордо ль человеку – видеть страх,
Указывая к личности – назад?
От этих бед спасенья – тоже нет,
Как нет модели сломленного – горем,
Но каждый раз, ты выходя – на свет
Играешь в роковую долю – слов.
Им требуя на подлинно – немой
Причине жизни – думать о сегодня,
О той фортуне в смелости, как ждать
Ты сам хотел манеру – от души,
Но вечно предоставил ей – страдать
Пустую склонность – между стен игры,
Когда она прошла – свои черты
Над нами – видеть подлинный рассвет,
Уже ума, в котором места – нет.

Литератор из души

Недавно помнил свой – покойный сон
О том, что было бытие – любовью,
Рассказано – для вымершей души,
Когда её проходит воля – к нам.
Она не смоем красками – печаль,
Она не скажет будто бы – к народу,
Что там жила и спала в грёзах – лет,
Когда был жив – искусственный портрет.
Он сном сопровождал – свою приметку,
Ту авторскую честь – ушедшей лжи,
Когда ты выбирал судьбой – из этого
Покойный сон искусства, чтобы жить.
Сегодня он, как литератор – прав,
Как доля правды – судорожно дышит,
А ты молча – качаешь головой,
О той, в которой был ещё – не мил.
Но откровенно прав и этим – говорил ты,
Что стал для слова – умыслом о прошлом,
Тем чувством зноя, подходящим снам
По поводу страданий – этих лет.
За душу сам берёшь – любви портрет
И с ним шагаешь – медленно к печали,

К той истине, откуда мы – молчали,
Чтоб жить сегодня – за оградой лет.
Под словом жизни – сохраняет свет
Твой будущий источник слова – в мире,
Ты литератор в искорке – души,
Её упрямой вкрадчивости – ныне.
Она – твоя манера в такт – любви,
Не в большем знает – умысла примету,
А только подаёт сюжет – в глазах
Для тонкой формы – у черты портрета.

Ограждение достоинства ума

Пусть дух нетленно шевелит – века,
Ему устало думая, как дождь,
Пусть смыслом опустившись – ты идёшь
Под ним, вникая в пустоту – веков.
На этом свете, может – дураков,
На том – из чувства малого бессилия,
Что хочет отстраниться – для вражды
И там по новой думать – о сердцах.
Ты оградил свой ум – от жажды и тоски,
Несёшь его в кармане стройных – лет,
А тот критичный уровень – поэт
Оставил дух в никчёмной – пустоте.
Зовёшь его, чтоб выжила – как все
Твоя свобода – внутренне тревожно,
Твоя оценка – думать осторожно
И с тем в причине – горевать о том.
Но сам ты ограждаешь – для себя
Свой дух – достойный мании и счёта,
На свете этом мира или – в счётной
Фортуне слов – по наглости, как торг.
Для будущего слова – в обожании,
Для тех, кто нужен обществу – в любви,

Но ум ты ограждаешь – на прощание,
Чтоб сам потом им – шевелить внутри.
Такие грёзы – в страхах между нами,
Таким же большим видом – от тоски,
Что вынуть декаданс уже – ни сам ты,
Не смог и только – смотришь им одним,
Для слов по половине сердца – жалко,
Для счёта вымысла, как верности своей,
Играя в том умом иллюзий – жадно,
Как будто выдох сердца – стал сильней.

Раскопки будущего бытия

Над алым небосводом – времена
Уже расходятся в раскопках, прикрывая
Свою фатальность в мере означения – себя,
Свою утрату воли, как прелюдию – забыть.
Ту грань ты видишь утром, чтобы жить,
И ей по праву отводя – свой мир
Опять искать раскопанные – дни
По утолению предчувствия – в обидах.
Внутри раскрыв свой алый – небосвод,
Твою систему жизни, словно стал ты
Законом чести – в найденном гробу,
Коль скоро жил – в раскопанной Земле.
Ей сложно дорожить внутри – огня
И стрелами искать – пути обратно,
Туда где свет не спит и жить – приятно,
Туда где ходят к большему – в любви.
Не время умирать – по общим в путь,
Тугим и падким жребию – наукам,
А только ждать искусства – до войны
И помирать от скуки – в подлинном аду.
Здесь жил внутри – раскопанных могил
Твой юмор чести, словно говорил – он,

Что хочет стать прелюдией – за толк
И сам воздать в любви – корону мира.
Ей ты открыл свой алый – монолит,
Свой дух природы – в общество воздав
Спокойный тон в материи, что жил,
Как будущее в обществе – мотивов.
Раскопками ты не был сжат – во мне,
И где – то подошли твои – намедни
Природы слёзы – в облачном раю,
Чтоб звать туда, откуда ты не вышел.
Там алый перелёт – сквозь жизни суть,
Сквозь больший смысл и – тонкое начало
Внутри уводит страх и берег – лжи
На отчий формы оберег – для слов.
Там нежат долгий фатум – о мечты
Твои раскопки, чтобы жить умнее,
Но сам не знаешь, просто потому ли
Ты жив, иль странный праву стал – ему?

Ночная антитеза для луны

Как долгий берег – сцепленный во мне
Ночная нить – не пробует отдать
Свои черты, чтоб снова говорить,
Как будет, словно птица – улетать.
В ту даль – от разночтения мечты,
Её прибрежной области – причины,
Где видишь антитезу – для луны,
Её опробуя – в нетленной красоте.
Где видишь ты причину – от руки,
Где твой маяк – стоял уже неделю,
А вид от уморительной – игры
Снискал – топорный якорь – по судьбе?
То нить – от полнолуния внутри
И чаша воли, приближая сон твой,
Она крадёт в искусство – стон луны
И этим, притворяясь – нам плывёт.
По берегу, где нет уже тебя,
Где вышли звёзды – посмотреть на мир,
А ты уплыл, как стоптанный рассвет
В желтеющем искусстве – на любви.
Нет места спать – по этой былине,
Нет права отдавать – её природу

Для той луны, куда упала – явь,
Всё ищущая верности – мораль.
Так вышла для укора – этим слов
Твоя единству правильная – чаша
И стала антитезой – вдоль руин,
Как ищущий потребности – в глазах,
Твой месяц слов и небывалый – стиль,
Твой верный ад – по призраку на деле,
Где ты сносил – свой месяц, как и я,
И видел антитезу – для луны.
Ночная гладь – посеребрила нить,
Она не ждёт ухода – для мгновения,
А только ищет повод – позабыть
Свою вину, чтоб снова – подрасти.
Тот ум, как месяц сложного – идёт,
Он вышел вдоль искусства – потому,
Что ты им ждёшь – мгновение и стиль
Внутри ночной прелюдии – остаться.
Для этой воли призрака – внутри,
Для той, которая хотела – малость,
Но стала антитезой – впереди
Украдкой ждать – твои мечты наверх.
И этим входом, думая о смысле
Ты сам направил форму – для двоих,
Чтоб сны сошлись – по уровню надежды
И стали полнолунием – для нас.

Не создан для двоих

Теперь не переписан – для любви
Твой мир – блокнот, он тает на лице,
Что общество суровое – в истце,
О ком не хочет в жалости – иметь
Свою свободу, словно это – смерть
Пришла – для изымания причины
На том краю обочины и – в нас,
Чтоб болью говорить – на каждый час.
Где спали мы меж гор и – пережитков,
Угрюмо видели спокойный тон – Невы,
А по обочине ходили – только квиты,
Твои года – в нарочном свете мира.
Они такие же харизмы, как и мы,
Они застигли утончённое – веселье
И очень миру подвели – самую любовь,
Но цену не оставили – за зло.
Там путь скользил – по белой мостовой,
Где шаркал гнёт – внутри природы мира,
Им ты принёс свой номер и – полёт,
Но сам хотел тонуть – на этом сне.
О том не помнить, думая в вине,
Что жалостью приглядна – эта сила,

Но нам вдвоём – ей будет не до сна
Летать по обоюдной – мостовой.
Где каменные плиты – оставляя,
Ты сел в приглядной каторге – завывать,
О том, что было в веке том – умом
Над нами – пролетающим парило.
Но этот час судьбы – заговорить
Не смог, он вжался медленно – в Неву
И только руки трогает – ко дну,
Как этот день – искусственной войны.
Она внезапно пропадает – миром
И только тронешь тени – ты упал
В один котёл – искусственного ада,
Где близорукий дом твой – одичал.
Он светел был – внутри природы нас,
Но не зашёл от экзальтации – манеры,
И вот, теперь – не создан для двоих,
Чтоб жить искусством мирно – по уму.

Если не ждать осуждения

Нам ли тревожиться – грубо,
В час отдалённой весны,
Если не выжить – то мудро
В личности прошлой – пройти.
Вместе ли – в том приобнявшись,
Словно казались – немymi
Области скошенной линии
Между обрыдлостью – звёзд.
Снова ли в том – осуждение
Будет идти, как и личность,
Будет искать – этот ужас
В завтрашнем юморе – нам?
Только не высмотрел – лично
Ты – эту волю для новости,
Сам осуждаешь, чтоб стать ей
Формой обиды – за жизнь.
Ищешь примету, что розни,
Снова клянёшься – для дела
Дать эволюцию в смелости,
Но из-за власти – ума —
Ты, как и робкий в привычке
Тянешь свой свет – идеальный,

В том, чтобы ждать – безразлично
Новое общество – мне.
Если тревожиться – грубо,
Спать, словно юмором – выше
За эгоизмом от – порчи —
Можно узнать – свой полёт.
Словно ты стал – человеком
В жизни – от ловкости мира,
Сложно уставился в страхе,
Видеть свой скошенный – бег.
Как непокорностью – ляжет он,
Как будет страхом – обижен,
Ты вынимаешь внутри – его
Робкий ответ в голове.
Днём осуждаешь привычки,
Ночью по мне – этот фон уже,
Словно пропавшая – новость
Станет для жизни – вдали.

Главная цель на сегодня

Не ищешь – пока не успел указать
На главное в обществе – смелой души,
Ей думая ночью на слове – своём,
Её восхваляя, как сердцем у нас.
Улыбкой расскажет – последний приказ
Твоя одинокая смерть – на сегодня,
Что в шум городской – понимает пути,
Что в душу ведёт – обручение горя.
Под маской твоей, под умильной зарёй
Ты шепчешь, как день означает – поверье,
Как чёрные листья – спускаются сном
И только помашут – для истины в тон.
Воркуют системы – под миф о тебе,
Что был ты рабом – под причиной изгоя,
Но день, как и жизнь – отучает потом
Вести уложение каторги – личной.
Ей жить, как последнее слово – ума,
Как солнце из нас, для которого – время
Неясное в муке – предание света,
Где ты не объял свой умелый – надзор.
Прикажешь уму, что поделатъ – сегодня,
Что завтра узнать – от могилы своей,

Но только кармический воздух – сильнее
Топорщит твой ум, он горюет в душе.
За злом притворяясь – нецелой виной,
За обществом мифа – такой же войной,
Где сам ты обнял – иллюзорные дни,
Такие же лучшие в прозе – одни.
На главную цель – ты поставишь свои
Моралии тонкой манеры и право,
Что буду тебя изживать, как и дни
По нашей картине – умильного света.
В душе притворяясь – худым и простым,
Что делает солнце – твой мир безобразным,
Что завтра ты стал бы – искусственно злым,
Порочным и волей прямым – от довольства.
Но главное в цели – последний приказ,
Он душу реальности – мило уводит
В тот тонкий манер – преисподней тоски,
Что гордые цели – на небо не смотрят.

Серебряные волки

Не ждут тебя сегодня, не видят бытие
Серебряные волки – на огне,
Они, катаясь в сердце – однако не умрут,
Они – скитальцы малого меча.
Что будто бы ты – видел их
В натянутой среде – из благ
И там раскрасил ветром – миг
От слов пропавшей воли – дня.
Ты этим волкам – стал немой
Изгнанник страха – по себе,
Ты этим ходом выжил – сам
И одинок для сердца – вечного.
Что ходят вдоволь под – лицом,
Что ищут медленное – я,
Ты философски им, как тон
Карателей – под смертью риска,
И оттопырив свой – надел
Ты в мир летишь – обратно глядя,
Ты им молчишь, а светоч лет —
Твой идеальный в мире – памятник.
Не ждут они тебя, не роют котлован,
А только бережно уводят – по другой

Системе слов и миру – не по нам,
Как будто цвёл их – вымерший приток,
Он чуждый сам и одиноко – лишь
Ты в памяти хранишь – природу боли,
Как волк ума, как дух другой – из нас
В серебряной оценке – этой воли.

Когда забьют воспоминания

Для сна в инертном теле – есть звезда,
Для робкой каторги, откуда ты пришёл
За словом – в преисподнюю читать,
Для мании величия – своей.
Ты волю под другое – бытие
Берёшь и этим – словно не у дел,
Ты исчерпал могущества – предел
Внутри увядших писем – о любви.
Но вспоминают – только ли о них,
Их принимают по стакану – чая
И робко льётся марево – затем,
Когда в инертной позе – ты задел
Свои года – в упущенном столетии,
Им столько думая об общем – бытие,
Ты не хотел увиливать – при мне,
А только распивал – горячий чай.
Когда забьют те воли – времена
И томно вспомнят о тебе – друзья,
Когда их письма, словно неживые
Прольются через – истинный укор
Ты будешь говорить об этом – споре,
Ты явно откомандуешь им – в страсть

Сегодня мужеству обратно – не упасть
И не предаться вольному – пределу.
Он есть и только выжжена – звезда
На корне идеала – в нас смотреть,
Она хранит восток – воспоминаний,
Она желтеет в памяти, как страсть.
Ей ходят нищие и в бедности, увя,
Ты отложил свои приметы – врозь,
Но только ищешь им пароль – внутри
От тысячи таких – воспоминаний.
Им нет предела паники – вокруг,
Когда забьются в теле – о другом,
Инертном поле – мнимые года
И ты настанешь будущему – слову,
Как самый необычный ветер – глаз,
Как смысл руки оскомины – творя
Свою модель искусства – в этой тьме,
Пока забили обществу – тот рай
Другими числами и робами – умов,
Другой оценкой мании – величия,
Чтоб жить наедине – от неприличия
И только вспоминать – дурное горе.
Не пахнет здесь оно и – не горит,
А только зов картонный нам – припомнит,
Как совесть в экзальтации – хранит
Свой чайник неба в призванном – раю.

То наливают мудрости – в шагах
Другие воли – ком воспоминаний,
Им тяжелее льётся догмой – страх
И так же просто – обрывает век.

Не возведя исторический миг

Лишь образуя на пальцах – весну,
Не возведя ей – противное в миг,
Ты ощущаешь по возрасту – ту
Проблему сердца, откуда возник.
Как отыскал свой одинокий – котёл
И в нём сварил пути подземное, лишь
Ты – одиночеству не видишь, молчишь
И отражаешь свой собственный – сон.
Как в этой правде он возводит – уму
Столь исторической приметы – вуаль,
Как сном спадает нам сегодня – во тьму
Природа этого спокойного – рая,
Где ты не стал ей – историчностью плыть,
Где пахли сакурой – прямые дома
И в отношении им – тождеством быть
Ты стал, как любит их – другая весна.
Над одиноким проявлением – сна,
Над отражением искусства, пройдёшь
Тот свет покорности, чтоб в жилах упал
Твой современный ответчик – оскал.
Он чёрной думой не смотрит – в окно,
Он раздаёт по круговерти – мечтам

Свои претензии, будто бы льёт
Нам обязательство – в праве по снам.
И в этом призраке – снова стоит,
Подумав лично – твой одинокий причал,
Он думал вечером – снова встречал
Культуру мира – по восточной заре,
По этой форме одиночества – в нас,
Когда мы словом – отнимаем ему
Причину ложной ситуации – мира,
Желая видеть утолённо – весну.
Желая водам встречать – этот мир
И утопичности света – в глазах,
Как будто миг – от историчности сам
Не знает время одиноко – в руках.

Неизменность на лице

Когда уходит пустота раздолья,
Когда по городу проходит – человек
Не видно горькой, низменной поры,
А только – неизменно уходит
Дорога к личной каторге – души.
Её не тронь, что чудо – осторожно,
Её – порхают светлые черты
Над солнцем – под устоями из моды,
Над вечностью расплаты красоты.
Разбился слов полёт, как эта ночь
Усталая – близ вольности у глаз,
В которой Невский ходит, как приказ
И лично ищет – памяти черты.
Прошла прохлада уличного – звона,
Искусством современности – дрожит
И только поле в сумерках – знакомо
Там ищет шанс – осовременить стих.
Он – будто бы парил по эталону,
Как смертный смотрит – прямо на себя
И видит город в счастье – незнакомо,
Так близко и доверчиво – искомо,
Как будто бы пришла ему – опять

Природа неизменности – на слове,
Приличие – от тонких рук твоих,
Им жило городское ожидание
И в смерти думать правом – не дало,
Как жизни солнце – нам засветит тихо,
Пройдёт та неизменность – на лице,
Что сковывала – мрачный торг и время,
Что душу поднимала – на заре.
Там стыли каменные плёсы – впереди,
Искал ажурный вопль – свои года,
Но счастьем стало миру – не лицо,
А ожидание искусства – по себе,
По той дороге считанной руины,
Когда уходит пустота – из грёз
И только Невский – эхом преподнёс
Свои страдальческие возраста – картины.

Есть ли выстрел?

Немного долетел – судьбе назло
До эпатажа в личности – своей,
Немного опоздал, чтоб было ей
Прелестно думать – о благах,
В которых – взяли смертные шаги
В законном свете – мудрого ума —
Твои ли выстрелом согретые – враги,
Ведь им нет места – в сером чемодане?
Затихла поздней ночью – эта боль,
Заняв по призрачной картине – имена,
На лицах сузились – объёмные граниты
И только камни светят – до утра.
Там был топаз – внутри янтарной лиры,
Там светел ум – по правде из любви,
Но дух картины – встретит на огне
Спокойные шаги – внутри седины.
Так в выстрел пятится – маньяк,
Он душу от поэта – соблюдает,
Где места нет – у вражеского в такт,
Идти ли просьбе мира – для умов?
Но этим горд – затёртый неба полдень,
Он символизму роет – смерти оберег,

А ты, как человек – уже не носишь
Топаз искусства – в собранной душе.
Что обрамлял – свой мерный диалект,
Им измерял картину – современно,
На дух поставив выстрел – по уму,
Так близко, чтоб искать – внутри вину.
Но только гроб оскалится – внутри,
Ты видишь выстрел мёртвой – тишины,
Ты сам становишься искусством – идеала,
На том, закоренелом миром – пустяке.
Так близко сам поэт – для эпатажа,
Так низко пролагает – тень к уму
И движет сущность нового – оскала,
Чтоб видеть выстрел прошлого – во тьму.
Он близок для картины – из других,
Он пошлый день, как праздник – добавляет
В сюжет оскомины и там ему – враги
Не видят сущность прошлой – каторги.

Образованный рядом

Не стоит из пустого – вокруг,
Образованный рядом, как снег,
Идеальностью скованный – друг,
В понимании общих идей.
Только свет в преисподней – его,
Как затравленный космос – играет,
В этом зареве мысли, что он
Идеальностью счастья – не тает.
Этим форма – по веку твоя
Образована – к счастью едина,
Эта личность, что в жажде – больна
Не снимает под звуки – любви.
Только, падая к звёздам – твоя
Фамильярность – из падали знает,
Что за другом – не мыслит и тает
В запустении – воля из прав.
Где не высмеял – только обиду,
Ты просил – образованный свет
В идеальности – видеть ту миру
Покорённую форму, как цвет.
Не снимает ей – тонкое пламя
Свой затерянный космос – в уме,

Только слов продолжение – мне
К обязательству в мысли – играет.
Этим ты образуешь – свой день,
Век обиды и тонкие грани,
За которыми стынут, под нами
Стены имени – в прошлом граните.
Эти воли забытые формы – друзья,
Что ответ к безначальному свету
В сероглазой критичности – видеть нельзя
И опять по – другому им – думать.
Не считая их вехами прозы – идя,
Не смотря на привычки – лихие,
Им ты выучил после – одну за себя
Идеальность, чтоб знали другие.

Мозг в заморозке

Несуществующие дни – хотят к уму
Препроводить от точности – свой ад,
Несуществующему телу для обид
И потому на нас не смотрят, а стоят,
Чтоб выжидать – от мозга целые миры,
Чтоб было в общество – нетленно уходить,
Пока твой образ – претворения любви
Ещё не заморозил – свет внутри.
Как ясно плакать – в тающий рассвет,
Им ублажая выжить – не для всех,
Как точно современностью – манит
Культура музыки – по будущему слову.
Ты осуждаешь – эти рамки бытия,
Ты сам заправил светом – эти дни,
Но точно – в замороженной игре
Не знаешь, что к тому – они одни.
По мозгу прикасаются – в благах
Такие близкие культуры – облака,
А ты над чёрной вереницей – этих лет
Уже не знаешь – числами ли ходит
Один и тот же – элегантности портрет,
В одной системе – сложенной беды,

Но этот мозг – заставил думать о себе
И точно шагом поздним – говорить.
Натужен ад, что был тебе умом,
Он заморожен в толще – близ людей
И только звёзды смотрят – по углам,
Где ищешь их, посыльным небу – тень.

Осоловев от безысходности иметь

Над – близким звоном чистоты
Проходит частым – свет огня,
Он жёлтой каторгой – маня
Испугом верит, вдаль меня
И словно душ – прямой отход,
Он соловеем – в час от дня,
Он – пустозвонно смотрит для
Искусства близости – иметь.
Но жить для света – от огня,
Для близкой личности – о день,
Для той, чтоб хоронить меня
По придорожной воле – лет,
И этим видеть сон любви,
Искать культуру – в смелых днях,
Где не просил ты – эту жизнь
Для смерти – потчевать с огня.
Где уходили вдаль – черты
Позора вечности – близ муки,
Им ты оставил солнца край
И только, встретив близко тьму —
Ты говоришь опять – уму,
Что он – осоловел от памяти

Иметь – под безысходной волей,
Страдать – в имени любви.
То что критичность – стала им,
Такой же – жёлтой аллегорией,
Такой нетленной – от любви
И только вечности – под прах
Ты дух имеешь – от тоски,
Ты ждёшь им поле – обаяния,
Где вечный возраст – тело им
Пути – для безразличий таяния.

Синкретизм из-за угла

Над сочетанием той мысли – миновала
Отчётливо упругая, как жизнь
Культура эпитафии – за нами,
Над тем, из-за угла – ей подходить,
Однако, стало трудно – и постыло,
Что социальный смертью – уголок
Уже не может измерять – труды
Над прошлым одиночества и торга.
Ты пишешь синкретичные поля
И их оттуда ворожишь – внутри,
Ты помнишь идеалами – не зря,
Что пала мёртвой дорогая – жила
И этим миновала вечность – нам,
Не пробуя – отгадывать привычки,
Что ждёшь ты синкретизмом – по годам,
Заглядывая пошлостью – в нутро.
Оно не стало более – харизмой,
Не светит прошлым нам – из-за угла,
А что – то обещает видеть – только
Похожее – на истину твою, едва..

Новая шизофрения

Отнюдь не спросишь – потому,
Что был непрост – портрет уму,
Отнюдь не важен бег идей,
Так просто, вышел – следом дней
Их расточительный манер,
Их поза – для шадящей лжи,
Как путаясь – ты веришь здесь,
Что шизофреником спаслись —
Твои симптомы между лет,
Твои усилия – быть в праве
Искать по новой силе – бред,
Храня учтивостью – порог.
За ним ты кто – то между строк,
За ним спадают к цели – длинной
Твои манеры – в ритм души,
И что – то верить не хотят.
Но боль глотает племя лжи,
Но боль осталась – на мгновение,
Как интерес к порогу жизни
И праву слышать – от людей
Историю – в прочтённой мысли,
Ей видеть чудо – на сомнениях,

Но только – не больной слезой.

Предохраняя вечность

Усилие из точности – возьми,
Как дух в руке – искусства, осторожно,
Им проникает существо – ума,
Туда, где отвечает – этот день,
Во тьме своей культуры – непреложно,
Он завтра забывает – этим я.
Твоя ли вечность – впалая тоска,
Причина, по которой движет – сны
Скупая очерёдность – ей иметь
Существенное право – на коленях?
Предохрани свободу – от ума,
Им ночью – обсуждая этот день,
Его природы сложные черты,
Из зла – не уготованного прежде.
Как бегает от юмора – везде
Покойник права в чуде – для себя,
Он чёрный воздух миром – ворошит,
Чтоб думать об избытке – этих лет.
Что, падая на современный свет —
Ему уносит вечности – черта
Свободу думать в мыслях – или там
Держать предохранитель – для ума.

Твой мир поделен мыслями – на сон,
Твой свет, как обожание – в любви,
Ты держишь так же – роскошью его,
Как птицы отсылают – этот век.
Они орудие своё – приобретут,
Они загнули фатума – печаль,
Для сердца слов, откуда отвечать
Ты будешь им – предохраняя нас.

УЧТИВОСТЬ ДЛЯ ДВОИХ

Над взглядом из небесного ключа
Ты вынимал свой меры – револьвер,
Пуская в одинокий берег – пел
Ему – рассказы сложного ума.
То что казалось лишним, не у дел
Искало пищу – в слаженной руке,
Ей так учтиво – понимал шаги
Твой взгляд – для испытания других.
На теле юмора – не стало подлеца,
Над нами не проплыл фантом – руки,
А только льёт учтивное «прощай»
За элегантною – обыденной тоски,
Твоя манера – думать обо мне,
Что чёрный прах навечно убеждать,
В труде, внутри от общества – опять,
И там просить иллюзию – прийти.
Она пришла в учтивый ход ума,
Она – стройна и между робкой тьмы
Не знает – из учтливового ключа,
Что стало миром – в чуде от войны.
Не видит этот берег – в небесах
Твоя рука – в реальности живой,

Но только шаг – нам думает в глазах,
Он так учтив, чтоб думать за двоих.

Особый минерал души

За эту ночь – измятого испуга
Особый минерал – увидел явь
Над обществом, родством не облачась
В потусторонний вечности маяк.
Здесь видит обаяние – ума
Душа твоей привычки и её
Способность говорить – о том себе,
Что общество – особого лица.
В нём ночь, как идеальные сердца
Не знала вечной боли, что горя
Ей будет зло – обратно говорить
И в том идти – по мании творить.
Или искать – природы минерал,
Над чёрным основанием – приметы,
Где ты не сам – отметил этим явь,
Всё жалуясь и вечностью – смотря.
Особой прозой – налегке в пути,
Печальной розой в области тоски,
Что пребывает в черепе – давно
И ждёт привычкой воли – на уме.
Она – особый случаем восторг,
Она – иссякла в преданности мне

И только звон монетный – в тишине
Уводит дух – от счастья и любви.
Им ты привычно радуешь – себя,
Где сам не свой, а новый минерал
Тебе уводит сердце – на оскал,
Как ночь измятой вольности – души.

Пустая трата времени

Не говори по общему – внутри,
Не призывай – искать пути назад,
Ведь вышли от манеры – не одни
Скабрёзные картины – для ума.
Им ты прокладываешь волю и свою
Привычку времени – обратно подлетать.
Под стать тебе – пародия и смерть,
Под видом идеала – выжжен сам,
Пустая трата времени – искать
Тот ужас – для тлетворной глубины.
Стоит по обелиску, что игра
Твоя фортуна времени, как мать,
А трогает её предел любви —
Искусство – в предыстории потери.
Не на глазах застыли имена,
Им что – то помнят – догмы и огни,
Не для тебя – упали в сон шаги,
На тонком пьедестале – от других.
Тебе не нужен ад, но он горит,
Так что поделаться – в личности его?
Ты вышел – на пустой квартире слёз
По обоюдному искусству идеала.

Чтоб стать ему – претензией ума,
Чтоб видеть опрометчивый рассвет,
И где – то личность в воле – выбирать
По слову от пустого – говоря.
Не трать свои года и не гони
Тот камень слёз – не выросли они,
Скабрёзные глаголы – в сон тоски,
А только вычитают этим – осень.
В ненадлежащей каторге – её
Ты был своей пародией – любви,
Ты сам считал тот юмор – для игры,
Подкладывая время – на привычку.

Отважился для слов

Во свете формы лет
Ты свет отважил в нас,
Для совести и блага,
Что тащит волю – в рост
На башенных часах
Сквозь бивни идеала,
Над родственной игрой —
Начать любовь с тобой..
Отважился и ждёшь,
Что новый номер ада —
Ей выйдет, как и жизнь
В отличии – искать
Фантомный берег – грош,
По краешку начала,
Где мы остались врозь,
Что ночь – на том хранить..
На том искать в любви
По берегу – право,
Им жизнь даря и мир,
Но только для двоих,
Ты выучил тот смысл
И роль твоя – с начала

Отыщет свет земной
На остановке в нас..
Отыщет, чтобы жить
И верить в право рядом,
Отваживая страх,
Что был бы по уму —
Тем временем для слов,
Тем вечным где – то рядом
Скопившимся в судьбе
Искусством – не под нас..

Одним я не могу..

Одним – я не могу вставать
От спелой одичалости ума,
Одной тоской – скитаться одному
По правую картину – для друзей..
Что видишь ты и поздно отойдя
Ты рассуждаешь, что один умом —
Ты привидение и точности черта..
Другой твой идеал, как пустота
Не трогает иллюзии – вокруг,
Но жёлтый месяц – тянет имена
И ими вписывает – точность..
Она – для личной выгода – игра,
Торчит и между делом – понимает,
Что белый воздух – снова от тебя
Куда – то вдаль сегодня – отыграет..
Он жёлтым сном не падал – в пустоту,
Он жил – для человеческой истории,
А может каторга – казалась по уму
Им – чем – то лишним в маленьком аду,
Но снова не могу – один вставать
Над прошлым обаянием – изгоя,
Так будь же другом, милостив опять,

Сегодня помогли – умом поднять
Скульптуру возраста – моей тоски..
Где вышел идеалу – белый сад,
Где жёлтый месяц просит – не тебя,
А общество иллюзий – нам в раю,
Что мы одним – не видим потому
Свой чёрный свет в пародии – гнедой,
А просто понимаем – дух святой
Над прошлым безыдейной красоты..
Одним – ей не могу стоять,
Как точный возраст права – идеала,
Одним не понимаю, что в бреду,
Я жил той сказкой – общего ума,
Но точный свет – сегодня ни к чему,
Он падает на месяц – от людей
И поднимает ловкостью – своей
Отраду дней и общество – друзей..

Бронзовые шаги

Над волей не проверено – идут
Шаги частичной гордости души,
Над словом об итогах – говоря,
Над птицей в поколении – раскинув
Свободу бронзы в маске – для тебя,
Свободу счастья в подлинном аду,
Где ты искал картину – в мир его
Опустошённой ловкости – у моды..
Стихает время в нашей простоте,
Сверкают молнии – отсюда повернув
На мир другой – у стороны луны,
Её не видя – пройденный этап..
Не понимая в бронзовой звезде,
Что форма отошла и этим – путь
Твой тянет мир, откуда не уснуть
Под лунной панорамой – на неделе..
За шагом ты, как сердце и беда
Меж длительной свободы – о любовь,
Ты тянешь ей природу – в форме ада
И тем пророчишь – форму от луны..
Когда воткнув на бронзовые сны
Ты миг увидел в теле – ото зла,

Она была стройна, как сфера лиц
И Землю опирала для любви..
Там ложность чуда в сердце, обаяв —
Несла тебе обыденность и рок,
Но – только тронув мысленный поток
Ей – вдруг рассеян в счастье по себе..

Не наследуя похороны

Если взгляд твой – предельно непрост,
Если вывести скорбно – у льдины
Идеальное точки – для нас,
То идут похоронные льдины
Между прошлой культурой, едва
Завернув, напоследок – отсюда,
Им бы вылить картину – со сна,
От которого хочется выть..
Ты наследуешь день от других,
Им хоронишь свою повседневность,
Ты надменен, как важность плохих,
Утончённых этюдов – расти,
Подзывая оскомину в сон,
От которого хочется выть
Тем, что было сегодня – тобой,
Тем кого ты оставил – для рока..
Непростые идут – между нас
Повседневностью прошлой обиды
Эти похороны – тела и глаз
Между прошлой ожившей игрой,
По которой ты пишешь – недлинный,
Неизменный этюд – о других,

А за ним забываешь плохих,
Осторожных в искусстве – у льдин..
Будто вышла та юмора – нить,
Будто ты совершил омовение
Перед роскошью думать и плыть
По конечности мира – назад..
Этим думать, о воле хранить
Неизменчивый опыта праздник,
По которому хочется выть,
Словно в гробе он – выжжен судьбой..
Там стоит и чего – то немеет,
Там застыл в отражении мира
И какая – то вечности сила —
Нас зовёт в похоронный полёт..

За что умирает раджа?

Придёт и привнесёт один – сложа
Искусственный произношения свет,
Тот чувству порождения – раджа
Над просьбой быть – отлитым во сто лет..
Он умер от претензии ножа,
От ясной формы мира – для того,
Кто был свою – развитием держал
И смерть меняя – падал и бежал..
Искал свою пожизненную казнь
На том лице искусства – сам раджа,
Искал и находил – приют ножа
От присказки культуры – по любви..
За свет пологой мысли – от себя,
За общество, в котором стали – мы
Иметь природу смерти – от любви,
По той, которой падая – бежать..
Искусственное поле этим ждёт
Мораль системы в мифах – для сердец,
Ложится тот раджа – на слов венец
И подзывает к Ганге сон – любви..
Над этим полем времени – бежит
Слоновий путь – по счастью и ему

Ты видел свет искусства – для себя,
Для жалкой воли призрака – вокруг..
Что тело Ганги слепнет – для ума,
Для смысла плыть – по воле этих лет,
А добрый путь держать умом, едва
Ты стал раджа, чтоб собирать – его..
Осколок смерти выделит тебя,
Остаток личной пыли – в глубине,
Где ты лежал на водной глади – ада
И плыл по той реке – внутри светил..
Желтели слёзы осени – нам в ряд,
Но падал сном меча – один назад
Тот путник, как и благо смысла слов,
О том, что он вести судьбу – готов..
По смерти ли – он плакал от любви,
По жизни думал – в мире для своей
Обыденной приметы – быть слугой
По свету глаз – искусственно в покое..
Мерцать под водной кожей – на любви,
В унылой смерти видеть – день в себе,
Как чёрный пафос личной суеты,
Оставив роль, которой – станешь ей
Ты сам раджа – над Гангой обходить
Культуры свойство – в малой пустоте,
Где сон искусства – видели следы
Людей – от боли жизни в темноте..

Последнее мнение

Начни – посередине песни слов,
И слёз окно твоё – не принесёт
Кокетливый, растраченный уют
По грани, от которой стыло – мне
Последнее наречие – в вине,
Оно тихонько тронуло – поток,
Из под него и прямо – в уголок
Ты прячешь – повседневности черту,
Склоняясь к смерти – в ролевом уме..
Последним ты не станешь – по вине,
Не одолжишь родство – другого бытия,
Но частый звук – в растраченной беде
Тебя сегодня мучает – от скуки..
Он только что забыл умом – сердца,
Он жил и что – то прошлому ответил,
А ты его не понял – нам в глазах,
А просто вынес письма – на столе..
Они – твои отметки на последней
Системе глав – у признанной беды,
А то что было в призраке – воды
Уже не может выстоять – тот мир..

Умея умирать назло

Над личной просьбой – предложил
Излить судебное вино
На дно, которое – дробит
Искусство мира – от того,
Чтоб слову чувством – невдомёк
Ты сам узнал – нелёгкий срок,
А после, смея умирать —
Им видел счастье и вино.
Под осуждение прошло
Тупое возраста тюрьмы,
Оно гнести тебя должно,
И там откладывая яйца —
Всё держит позу – про любовь,
Всё ищет смертный приговор,
А ты не ждёшь её и вновь —
Сомнением – ты лечишь кровь.
От отупения весной,
От наглой формы головы,
От той, что чудится зимой
Прохладой сердца – у лица
И жить тебе даёт – не зря,
Чтоб гордо в душу – умирать

На той потопленной земле,
Где жило слово – морем вспять.
Хранит источник – Господин
Его улов и в этом длинен
Для остановки в час беды —
Вести историю – под миром.
Что будет словом – угнетать,
Давая смертью – совесть жил,
Чтоб думать ей одной – опять
И мерить собранный улов.
Умея умирать назло —
Ты приготовленный – служил,
Давал растраты в смерти – нам
И только пользой доложил,
Что час от сердца – в нём не рад,
А ты бежишь огнём – назад,
Чтоб горевать – на дне тоски
У остановленного солнца.
Оно не жжёт тебя – сильней,
Чем тысяча морских коней,
В которых славой – будет пить
Морской коньяк и силу воли.
Ты обожал тугую нить,
Её несчётные года – нам,
Но сам умея умирать – им
Давал искусству в том – ожить..

Не брошенный в дождь..

В готической руке – не отражу
Сложнейшие приёмы у тебя,
На свод печали – снова разложу
Картину беспокойства – о другом,
Таком же дне искусства, чтоб понять
Морали тень – от укоризны мира,
Им делая приметы – в совесть ли
Или отрезок личного меча?
Не брошен в дождь – могучей пустоте,
Не выеден на меч, откуда призван —
Ты быть искусством – малого с плеча,
Поранив небо холодом – взаймы..
Ты жил от этой тени – до вины
Уж тысячу веков и смелым – в дождь
Я брошу смерти – новый приговор,
О том, что было задано – у жизни..
О том, что леденело – подо мной
И в кучу слов – обратно собирало
Свой час иллюзий в праве – на любовь,
Ей стать, и меч в руке – соединить..
То были слов глаза – от этой боли,
Им завтра ты расскажешь, что печаль

Твоей системой вышла – на дожде
И стала брошенной о слово – на ненужном..
Мы правы были – только не дошли
До слов окалины – меж верхнею губой,
От слов которой выросли – седины,
А ты стоял, как почерк дорогой
И спало солнце в мифах – по сердцам..
Внутри уложенной и новому – не видной,
Но брошен в дождь – такой же идеал,
Он сложен в счастье – личной пустоты,
О той, которой бросил ты – слова..

Родословная на мне

Феномен в маске отведя —
Ты выбираешь смех – идя,
Он – торжество под бытие
И лёгкий шорох этих лет..
Бежит со скуки по нему,
Искрится полный свет луны,
А мы природой – потому
Наивно в счастье – не больны..
Наш род не очень на вине
Упрям и дорог, но во сне
Вся родословная – в бреду
Под пищу слов – одна к уму —
Стремится ловко – лишь ко мне,
Я на лицо её – ловлю
Свой ветер права в бытие
И оттого её люблю..
Там виден берег – этот форт,
Нам оперением из нот
Сочится словно мотылёк —
Рассказ о новом – ей далёком..
Пока на лицах – вижу я
Ту родословную мою —

Ей ближе сон и кровь моя,
Что я отдать во сне хочу..
И словно тысячи миров
Под необъятным вдохом лет —
Я этим вскользь не замолчу
Под одинокий жизни свет..

Нет смерти во вне

Нет смерти во вне и во мне,
Ты вышил свой блеск от ума,
Он рядом крадётся и ждёт,
Что будет другая тюрьма —
Искать это счастье и жуть
По высохшей Волге во тьме,
Искать, чтоб потом не вернуть
Утерянный импульс во сне.
И этим ты ждёшь – ворожишь
Свой ветер по длинной косе
И этим спросило – в ответ
Нам ясное солнце во вне.
Оно открывает свой ход,
Что близкое зарево в час,
Когда ты ко мне подойдёшь
И будешь играть в это счастье.
Нет смерти во вне – этим дням
И годы идут, словно мне
Ты выучил новый фонтан,
Он пишет по робкой войне
И что – то не хочет простить,
И где – то упрятала смерть

Тот воздух за прошлым его —
Не видеть культуру о ветер.
По Волге его проведи,
По вспаханной, новой волне
И чем – то невиданным мне
Ты эту историю вылей,
Что счастья пустила года
Под свод одиночества в том,
Где был ты забыт, что и сон
По ветру от этого мира.

Приневский ветер

Однажды от далёкого испуга
Принёс приневский ветер у лица —
Единственное бытие для друга —
Кто хочет видеть воду – ото дня
Такой же теоремой – на неделе,
Что пишет сам внимательной руке
Приневской далью, прочившей нам ветер
На одиноком, сломленном окне.
Она приходит думать второпях,
Она питает символы от мира
И только взгляду верит – отойдя,
Что гнёт культуры – ветреная даль.
Считает смерть на воле – от ума
Ей жизненной оценкой и картиной,
Что веет преднамеренно во мне
Сегодня тихой, видимой судьбой.
Отчётливо под встречу там – ему
Ты час назначишь, в прощенный восход,
А кто – то будет думать о тебе,
Что свет Невы из мысли – по утрате.
Сегодня думает в умении вести —
Тот юмор глаз, обратно потому,

Что ты навеешь холодом во тьму
И сложно будешь думать обо мне.
На этой стороне из клетки мира,
На тонком восходе памяти – иду
К тебе приневский ветер – от мотива,
К тебе, как на последнем берегу.
Иду искать предчувствие и грани,
Как только вижу вялый свет в глазах,
Ведь ты от одиночества – не ранишь,
Не объясняешь этот долгий страх.
Во тьме ли он или направил вечность,
Считать тюрьму от воли – напрямик,
Ты будешь жить от этой встречи – миг,
Ты будешь звать приневский ход ума.
За эту форму длинного восхода,
За пеленой нарочной впадины миров,
Когда ты встретил миром – на Неве
Далёкий фарс – испуга этих снов.

Потупив от восторга

Что ты смотришь на юг, отойди,
Что ты видишь от этой дали
В не приращенной слёзам своим
Монографии бледного стыда?
Где бы взял ты успех от людей,
Где бы в обществе против стоял,
А потом по огню – эту жизнь
На себе протянул – от восторга?
За твоей расторопной стеной
Не бывает от пули – займы
Изучения смерти – по роли,
Где ей смертные входят миры
В разобщённый души аппарат
И на этом потупленном взоре —
Ты был новым манерам не рад,
Только душу слоил от ума.
Разделяя для общества – два
Изумления сложного горя
На военной красе под слезой
И историей, сложной от снов.
Ты бы выжил за той полосой,
Но ты видишь для гроба изгоев

По причине – такой же, как ты,
Что не верит от смысла в мечты.
Не играешь в указки сердец
И свою разобщённость от горя —
Ты не ищешь, потупив восторг,
Потому и от этого помнишь —
Изумление воли рабов,
Что быть может они расторопной
Перекатанной грёзой прошли,
Как враги из под края чудес.
И за этим спонтанным умом —
Ты ведёшь изучение сходства,
Образуя свой ветхий надзор
Между временем частой войны.

Экзальтация поколения

Вперёд не вынес монолог, он пал,
Покуда съёмный день хранит печать
В бессмысленной критичности души,
Чтоб было больно – снова отвечать.
Примером экзальтации своей,
Имея скромный день и этот вихрь,
За что ты поколением хранил —
Свободу слов в соотношении лихом?
Одна она спустила рукава
И стала смертной воле – вереницей
Искать от потупления глаза
За общим правом – прямо на ходу.
Чтоб музыка в неё смотрела нам,
Как только что открытый человек,
По нраву ли – не съеденный наверх,
А только потупивший вниз глаза.
Твои привычки вмяли диалог
За это – приговором от души,
Ты шёл, изматывая волю, словно срок
На одолжении ещё одним – прожить,
Считая страх внутри – одной игрой
И только поколением с тобой

Его душой опять – не пережить.
Не ставит цели новый монолог,
Он только диалекту сам не свой,
Когда ты ждёшь его простой приборой
И нервно куришь в сердце – по любви.
То что спросило нам – обратно позади
Сейчас не слышит – вынимая день,
А только экзальтирует на тень,
Которой вышло новое в умах.
Она – истома в краденной душе
И роли факт, откуда ты не видишь
Свободу точной свету бытия —
Любви, от понимания критичности.

Когда некого лечить

Чёрный аист на блюде зовёт
Между веером вспаханной тьмы,
Он что форма от нотного в такт —
Неприкаянной гласности в нас..
Хочет жить, а потом умирать
В неприличном искусстве – другим,
Потому что им некого звать,
Потому что мы стали немым
Обещанием в сердце – родясь
От такого же юмора в стиле,
Что и будущий свет – открываясь
Видел чёрного аиста в мире..
Он летел, чтобы жизнь сгоряча
Не спускалась от ночи – молча,
Он искал между звеньев цепи,
От которой мы снова смешны..
Может снова хотим умирать,
И страдая всё видеть сквозь дым,
От которого хочется взять —
Это утро – обратно слепым..
Когда некому слово лечить
Всё уходит по степи – твоя

Преднамеренной боли струя
И заносит свой гиблый мотив.
Между прошлым ты был – от меня
Успокоенной нотой – взаймы,
А потом пропадал от вины
В неприлежной системе – один.
Потому что им некого ждать
И лечить в этой пустоши – вдаль,
Потому что им легче летать,
Утопая под смертью своей.
Ночи прошлые сломлены в нас
И в отжившем раю – этот мир
Никогда не забудет таким
Беспокойное общество жизни.
Может прошлым ты стал виноват
Или смерть твоя – подлая страсть
Всё не хочет внутри отпадать
И нести это бремя назад.
Ты был мог эту верную власть
Отпустить и за словом мечты
Подлечить укрощение старости,
Понимая, что внутренне мы —
Не обратное – звеньев цепи,
Неприглядное в страхе узнать
От кого эта роба – опять
Принесла эволюцию смерти?

Ты остыл, может лишним займы
Ты у смерти не видишь вины,
Только некого больше лечить,
Потому что ей снова – немь.

Соавтор на духовном счёте

Не помню, выяснил ли правом – я
В какое утро спятило оно,
Не знаю было томно ли – темно
Или от страха зазвенело по уму?
Ты вышел из предвзятости ко мне,
Чтоб жизнь освободить и ей вести
Соавторство для пленной тишины,
Такой же искромётной, как и мы.
Белеет слово в искренней звезде
Космического шёлка, где ответ
Ты проложил сегодня – в душу мне
И стал, как остановка в этом лет.
Где не был я на ровном счёте – тьмой,
Не знал духовной участи – взаймы,
Как ближе быть – обратно до войны
И свет искать по длинной мостовой.
Там ты стоишь в соавторстве пути,
Там гложут мысли одинокий плот,
Им вынуд счастье в сложенной груди,
Чтобы забыть тот ад и сложный перелёт.
Где не был ты унижен, что печаль,
Несущая сквозь стену – зоркий глаз,

А только падали во времени – на нас
Искусством прошлого – такие же огни.
В духовном счёте выяснил мечту,
Что гложет ясность – прямо на бегу
И только твой пребудет идеал —
Ты сам – духовный счёт ему и пламя.
Горишь во сто ночей из белизны
Космической Вселенной, где и мы
Стоим тем духом, охранившим степь,
Внутри которой стало всем теплее.
На вынос слову – добрый монолог,
А ты – соавтор в счастье из былин,
Там ищешь их раздолье – от немых
И долгом образуешь слову день.
Куда – то шепчут миру – те слова,
Что нужно нам в соавторстве иметь
Такие же моралии, как смерть
И смело подходить не к той ноге.
Что выступила, к счастью от ума
Под гордый дух иллюзий, чтобы жил
Твой свод космического дома, на ноге,
Которой к счастью – волен был искать.
Её свободу в призраке от лет,
Её мечту по праву быть немым,
Но духом от свободы в свой портрет
Соавтора, что выделяет свет.

Доказываешь маленькие тени

Не терпи, не смотри за порог,
От него не увиливай в страх,
Что за чёрной манерой пророка
Открывает проталину звёзд.
Где бы не был твой дом у порога —
Не завидуй искусственно мне,
Потому не ищи в глубине
Это зарево вымысла в тени.
Обоюдный матрас для любви
Не испытывал меры в прозрении,
Просто он по тени – не один,
А дозорный внутри господин.
Обсчитает уверенный смех
И за этой осколочной раной —
Видит небо свой ветер и век
У природной оскомины глаз.
Потому не любил человек
Нам доказывать маленькой правды,
Он искал тот матрас на снегу
И в отчётливой прозе седел.
Где ты спал, на каком берегу,
Что уносит твой свет от недели,

По которой мы тоже седели
И брели под искусством в аду.
Мерный шёпот и месяц в огне
Не спускают те тени – отравой,
Может видят они – эту боль,
Как оставленный шанс за тобой.
Где не стал ты успехом внутри
Открывать изумление сильным,
Только жарко в тени – этой тьмы,
По которой мы стали немые.
Отголоском шагали по венам
И мечтая оскоминой – в пасть,
Утверждали по родственной тени,
Что докажем в неё – не попасть,
А потом видим голой в постели
Внеземную красу под луной,
Может словом докажем – немой,
Этот фарс изучения цели?

Бренность вдохновения

Для писателя малой руки
Остановишь искусственно плот,
Он негодный для прозы у мод,
Он стоит, изумляясь вдали.
Чтобы чудно нести этот век
Сквозь искусство на этом расти,
По воде, как по берегу гроз
За несчастьем и нормой тоски.
Приближается новому плот,
Не объят он от малой дуги,
Неприличен для годной тоски
И не учит почётом внутри.
Для писателя спали тогда
Идеальные розги в глазах,
Чтобы малое поле дуги —
Обнимало весь длительный страх.
Бренный возраст остался умом,
Он не вечен, что пламя тоски
В неприличии видеть тот сон,
О которого грозы в виски —
Ударяют, что мёртвый оскал
Между пошлостью смерти и нас,

Чтобы выдумать новый рассказ,
За которым обратное время —
Идеальному почерку – шанс,
Идеальному ветру под стиль
Анархической прозы внутри,
Где глотаешь ты ветер тоски.
Словно автора эго ведёт,
Забывает свой ветер внутри —
Это общество слова от гнёта,
Это ужасом смерти тоски.
Чудо стало за бrenным умом
Раскрывать идеальному сон,
Чтобы завтра писатель от розг
Неприметно развёл этот лоск.
Он ложится, что чудо в виски
И катает по пламени грёз —
Небывалые грозы тоски
От увечности подлого чувства.
Где не стал ты искать идеал,
Словно бrenное поле любви,
Только чувствам нашёл пьедестал,
За которым ты страхом устал.
Вдохновение малой руки,
Словно искорка лётной тоски
Пребывает в заглавии строк
И уносит под чувством твоим

Эту вечность у подлости гроз,
Этой формы овалный подъём,
Где не знали мы имени в нём,
Словно автор стоит между нас.

Поговори со мною между прошлым..

Говоришь, чтобы вынуть противный,
Утончённостью времени ножен,
Идеальный и очень ревнивый
Остановочный ветер из кожи..
Он прошёл по обрывкам недели
И настало за прошлое – маска,
Если думать о ней надоело —
Говори этой формой указки,
Где не стал ты уверенной миной
Опирается, что духу от сложного,
Что не нужен твой город ревнивый,
От того, что уложен он к коже..
Между чёрным обрывком рисует
Этот верный пейзаж за окном —
Идеальное пламя, что схоже
Нам за прошлое выдумать сном..
Ты же видел его отражение
Здесь для ночи искусственных лет,
Ты же знаешь тот памяти след,
От которого смыслы дороже..

Поговори лишь со мною внутри,
Опирайся под мыслью уложено,
Может будет тебе впереди
Этим утром такое же сложное,
Идеальное вечностью спать
Или думая к счастью состарится,
Что из прошлого вынуть опять
Ты не смог от далёкой руки..
Говори лишь, чтоб опытом нравится,
Открывая свой времени бег
И для искусства в пользе останется
На сегодня за мной – человек..
Не его от прикормленной правилу
Истязания сложной руки,
Просто он истощает внимание,
От того что состарились мы.

Почерк, без которого не

Открыл студёный имени восторг,
Чтоб думать этим словом на восток,
Всё оперяясь к смелости цены
За время слов одной твоей вины.
Модель, без бытия любви прошла,
Мораль, за сном которой ты уснул
Там видит смерть на подлинном аду
И жажду вызывает от людей.
Ей почерк смерти – был ли для сердец
Одной надеждой выживать к любви,
По роли этой, от которой мы —
Не знали вид ответа этот прежний?
Им не вели условия в печаль,
За правдой слёз на это отвечать,
Чтоб думая – хранить на бытие
Остаток к лучшей истине востока.
Что было почерком – последнего во мне,
То стало жить от формы нигилизма
И этим ищет дух восточный в нас,
Что жажды слово в мысли на вине.

Диета для философа

Отправил для утиля в пустоту
Сегодня новый чести номинал,
Любви искусства, думая своим
Остатком муки в призраке души.
Что прочитала стих за этим сном
В диету обращая слов конец,
Так молод был философ и его
Причина думать в мыслях на коне.
Искал ли он преграду от других,
Завидовал ли тайному уму —
Та участь жить на свете одному —
Считала правду в честности внутри.
Она, имея свод диеты в нас —
Не самая строптивая из лучших,
Но горькой славой укрощает шанс
Иметь блага под роскошью людей.
Была ли оправданием диета —
Твоей надеждой думать и любить —
Та песня слёз под мысли диалекта —
Снискала почерк в лучшем от её
Системы глав, что ты живёшь ещё
Над смыслом роли в каждой голове,

А та, которая не стала вновь твоей —
Устало дышит к участи простой.
Её несложно будет обонять,
Унять природу душ под эталон,
Чтоб снова на диете видел он,
Как сложно жить под памятью своей.
В том ужимаясь будущему веку
Искал любовь к родному человеку —
Стихийный дом философа под грани
И сам настаивал в любви своей один.
Он жил, что негодующее чрево,
Из нот, в которых глаз уже немеет,
Но смеет думать в жизни от другого,
Что он один на счастье идеал.
Что носит суть философа под маской
И тихим чувством обещает жизни,
Как будто жил он словно бы под сказкой
Под негой слов, неутолённых в нас.
Диетой сделал он внутри программу,
В которой чувство будто бы забыло —
Свой сон иллюзий душ от этой раны
И стало сердцем мира для него.
Искало ли предчувствие от мысли —
Куда бежишь ты думать безоглядно,
Но дом твоей мечты лежит обратно
На свете мира, выбирая шанс.

Зачеркнув мыслью

Открываешь той воли свои
Опрометчивой формы глаза,
Им бы вынуть ту смерть от любви
И затронуть обратный расчёт,
По которому смыли дожди
Эту форму обратного дня,
Для того ли, чтоб пищей меня
Ты сегодня напрасно любил?
Эта пустошь от смерти идёт,
По феномену страха, что смысл
И над очерком славы её —
Ты завяжешь свой чести оскал,
Чтобы время, встречая рассвет
Эту мысль понимало, идя
Над уверенной формой твоей,
Обещания верить, зачеркнув идеал.
Он не смотрит на мысль для себя,
Для другого, что также твоим —
Искушением свято в тот день
Обещание верить, что жить.
Где считая ты встретил на мне
Эту прошлую мысль в глубине

И от этого в форме, прощая —
Завещаешь любить, как глаза.

Манящий вдаль

Не ветром спит поодаль бытие,
Не волей образованной едины —
Мы стали время спрашивать везде
И кем – то претворять до этой лжи.
Пока колдует вечностью внутри
Природа дальней юности хранимой,
Ей смыслы тянут форму от того,
Где старый свет не видит – эту даль.
Перебирая к ясности спроси,
Что живо вдаль манящего строптиво,
Что будет вечным к сердцу от того,
Как каторга обступит этот рай?
И там единой мукой все они —
Сутулые и вечные, как слово
Останутся хранить одну любовь
В искусстве – ради ясности своей.
Не прогадать бы эту середину,
Где мука тянет жилы до того,
Ей свет не видит вдаль, маня тебя,
А что же видит общество к тому?
Ту форму ты увечно не просил
Принять единый образ для судьбы,

А только смелой правдой походил
Куда – то вдаль от роскоши и мира.
Не стало видеть спесь и открывать
Единой сну природы от могилы,
Что страхом загоняет эту боль
Куда – то вдаль – манящей белизне.
Там роют смысл те образы на мне,
Там формы слёз разыгрывают мирно —
Причины думать словом в тишине
На смерти от единой роли мира.

Разбивая сон ужа

Над сердцем промолчит едва – едва
Тот ужас под намерением ужа,
Он горько болью верит про себя
И сон своей мечты не одобряет.
Что чудо встретит в образе любви,
Им чувство мыслит пошло и затем
Ты понимаешь гордый, смелый тлен,
Через который видит он – ужа.
Нас было много и одни пред ним
Спустили слёз скупое на обрывках,
Чтоб думать под ужасное любви
О снах, которые идут так долго.
Им стали мы ужами на плато —
Искать потерянное слово и любовь,
На поколении, которому прошло
Испытанное счастье между сном.
Так гордо думать мыслью, что его
Скупая стать – переживала гениев
И этим хвалит роскошь по уму,
Который будет ночью засыпать.
Он жил, чтоб превратиться в эту тьму,
Чтоб стать ужом под роскошью в тебе,

А потому присниться там ужом
И внутрь проговорить свою игру.
Играли этим светом бытия —
Твои незыблемые тяги о любовь,
Но стали всё ужиться за собой
И сон разбили к счастью от того.
Ты стал потерей в образе ужа
И смертью стольких лиц от пережитков,
Чтоб думали одним тебе отдать —
Ту старость слёз по воле от обрывков.
Искать им пепел лет и бытие,
Влачить позору каторгу по сну,
Где был ты сам ужом и этим миром,
Бывалый к счастью роскоши – тому.

Собранные звёзды в голове

После частой, уличной беды
Ты внутри не отрываешь поздний,
Звёздный шаг по рукотворной лжи
И о том в пророчествах ведёшь
Свой мотив о жизни на беде,
Плача о которой ты – не помнишь,
Что игривый ход в твоей судьбе —
Частый смерти имени пароль.
Лишь собрал ты звёзды на ладонь —
Время тянет исподволь причины,
Что стихали юностью с тобой
И опять в пророчествах вели
Сложный путь орнамента беды,
В голове, которой стало сильно
Пламя укорять о том тебя,
Будто бы ты вышел из беды.
Стал ей собран честностью своей,
Говоришь, что жизни половина,
А потом от счастья в этом сам —
Звёзды собираешь для себя.
Им бы сном парить на бытие,
Видеть слово в упрочнении гордо,

В голове, которой падать стал
По уму к причине этих снов.
Собирая ясностью внутри
Укоризну созданного чувства —
Был ты ей на половине лжи
Только порчей в личности ума.
Но хранит иллюзии харизма,
Плачет в вечной области вины,
Что на звёздах собранные сны
Изголовья слов от этой жизни.

Денежные дожди

Всё сначала о том подожди,
Убегай от излишков во тьму
И над этим строптивым прощай
Обезличенный город к уму.
Не напрасно ты видел тогда,
Как иллюзии сходят впотьмах
И идёт беспредельный сквозь страх,
Не уклончивый дождь по тебе.
Ты спросил его: «Сколько потом
Обещаешь мне дать для руки?
И какие мне видеть в тоске
Неминуемой роли под смерть,
Если поздно я видел дожди,
Уносящие слово на жизнь,
Без которых не ходят одни
Опрометчивой воли глаза?».
Но твой парус у сердца и тьмы —
Не уклончивый воздух впотьмах,
Он ведёт эту волю сквозь дым
И относит всю участь в любви
Для причины, в которой ты сам
Это видишь и целый внутри,

Осторожный иллюзии прах
По дороге от собственной жизни.
Но внутри не проходят одни
Эти стройные формы в глазах,
Эти дождиком вечные дни,
От которых ты прячешь огни
И тобой от приданой тоски —
Не увечна печаль на руке,
Ты ей смог бы одалживать век
И на этом излишки во тьму.
Их немного, что денег внутри,
Но отыщет твой путь идеал,
По которому солнцу огни —
Безымянные роли, как стиль.
Им придаст иллюзорный восторг
В эту ночь идеальной тоски —
Убегающий дождик от слов,
На оставленном поле любви.
Им бы деньги и новую страсть,
Им бы выжить внутри и летать,
Под дождём, от которого ты —
Не увечный истории город.

Не различая в нас судьбу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.